

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нью-Йорк/Олбани	9
Лонгмонт, Виргиния: Контора	75
Происшествие на ферме Мандерсов	104
Вашингтон, округ Колумбия	152
Тэшмор, Вермонт	159
Кэп и Рейнберд	211
В западне	226
Аварийное отключение	234
Маленькие огни, Старший Брат	288
Эндшпиль	338
Воспламеняющая	381
Чарли в одиночестве	422
Послесловие	444

В память о Ширли Джексон, которой никогда не приходилось повышать голос

«Призрак дома на холме»

«Лотерея»

«Мы всегда жили в замке»

«Солнечные часы»

Жечь было удовольствием.

Рэй Брэдбери. 451° по Фаренгейту

НЬЮ-ЙОРК/ОЛБАНИ

1

Папуля, я устала. — В голосе девочки в красных брючках и зеленой блузке слышалось недовольство. — Давай остановимся.

— Чуть позже, лапочка.

Высокий, широкоплечий мужчина в старом, потертом вельветовом пиджаке и коричневых брюках из твила держал девочку за руку. Они шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, шли торопливо, почти бежали. Он оглянулся: зеленый автомобиль никуда не делся, медленно катил следом по крайней правой полосе.

— Пожалуйста, папуля, *пожалуйста*.

Он посмотрел на дочь, увидел, какое бледное у нее личико. И под глазами мешки. Поднял ее, посадил на руку, но не знал, как долго сможет так ее нести. Он тоже устал, а Чарли уже не пушинка.

Часы показывали половину шестого вечера, и на Третьей было полно людей. Номера пересекающих авеню улиц приближались к седьмому десятку, сами улицы становились все темнее и пустынее... Чего он и опасался.

Они наткнулись на женщину, которая толкала ходунки с корзиной, полной продуктов.

— Смотри, куда прешь, — фыркнула женщина и растворилась в спешащей толпе.

Его рука начала неметь, он пересадил Чарли на другую, вновь обернулся. Зеленый автомобиль следовал за ними, отставая при-

мерно на полквартила. Двое мужчин на переднем сиденье и, кажется, на заднем — еще один.

Что мне теперь делать?

Он не знал ответа на этот вопрос. Он устал и был напуган и почти не мог думать. Они поймали его в крайне неудачный момент, и, похоже, ублюдки это понимали. Ему хотелось опуститься на грязный бордюрный камень и завывать, выплескивая растерянность и страх. Но это не ответ. Он взрослый, и ему придется думать за двоих.

Что нам теперь делать?

Отсутствие денег. Самая главная проблема, если забыть про мужчин в зеленом автомобиле. Без денег в Нью-Йорке никак нельзя. Без денег люди в Нью-Йорке исчезали. Словно проваливались сквозь землю, и больше их никто никогда не видел.

Он опять оглянулся, увидел, что зеленый автомобиль приблизился, и струйки пота чуть быстрее побежали по его спине и рукам. Если они знали — а он подозревал, что так и есть, — насколько ослаб его импульс, то могли попытаться взять его здесь и сейчас. Не обращая внимания на людей. В Нью-Йорке, когда что-то происходит не с тобой, у тебя развивается загадочная слепота. *Они следили за мной?* — в отчаянии гадал Энди. Если следили, то знали, что игра окончена. Если следили, то знали расклад. Как только у Энди появлялись какие-то деньги, на время странности прекращались. Те странности, которые их интересовали.

Не останавливайся.

Само собой, босс. Понятное дело, босс. Куда идем?

В полдень он зашел в банк, потому что ожил внутренний радар: интуитивное чувство, что *они* вновь на хвосте. В банке у него лежали деньги, и их хватило бы, чтобы они с Чарли смогли при необходимости перебраться в другое место. И что обнаружилось? У Эндрю Макги больше не было счета в «Объединенном банке химической промышленности», ни личного, ни корпоративного, ни сберегательного. Все они растворились, как дым, и тут он понял, что на этот раз его действительно хотят прижать к стене. Неужели это произошло лишь пять с половиной часов тому назад?

Но, может, что-то все-таки оставалось? Жалкие крохи. С последнего случая прошла почти неделя: тот мужчина с суицидаль-

ными наклонностями, который пришел в «Союзники уверенности» на обычную встречу в четверг вечером и с удивительным спокойствием заговорил о самоубийстве Хемингуэя. Провожая этого человека, приобняв его за плечи, Энди послал ему импульс. Теперь он с горечью думал, а стоило ли оно того? Потому что все складывалось так, что расплачиваться предстояло ему и Чарли. Оставалось надеяться на эхо...

Но нет. Энди в ужасе и отвращении оттолкнул эту мысль. Такого никому не пожелаешь.

Совсем чуть-чуть, молил он. Совсем немного, Господи, только чтобы мы с Чарли выбрались из этой передраги.

Но Боже, как ты расплатишься... И на месяц вырубисься, превратишься в радиоприемник с разбитыми лампами. Может, на шесть недель. А может, умрешь в прямом смысле этого слова, и твои никчемные мозги вытекут через уши. И что тогда будет с Чарли?

Они подходили к Семидесятой улице, когда зажегся красный свет. Автомобили пересекали Третью авеню. Пешеходы скапливались на углу. И тут Энди понял, что именно здесь мужчины из зеленого автомобиля возьмут их. Живыми, если получится, но если возникнут проблемы... Они могли получить четкие указания и начесть Чарли.

Может, живыми мы им больше и не нужны. Может, они решили сохранить статус-кво? Что делают с неверно решенным уравнением? Стирают с доски.

Удар ножом в спину, выстрел из пистолета с глушителем, вполне возможно, что-то более изощренное: капля экзотического яда на конце иглы. Патрульный, на углу Третьей авеню и Семидесятой улицы человек бьется в конвульсиях. Возможно, у него сердечный приступ.

Он должен попытаться использовать эти крохи. Ничего другого не оставалось.

Они добрались до толпы на углу. По-прежнему горел красный свет. Энди оглянулся. Зеленый автомобиль остановился. Дверцы со стороны тротуара открылись, из автомобиля вышли двое мужчин в деловых костюмах. Молодые, чисто выбритые — и в отличие от Энди Макги в прекрасной форме.

Он начал проталкиваться сквозь толпу, лихорадочно выискивая взглядом свободное такси.

— Эй, мужик...

— Ради Бога, парень!

— Мистер, вы чуть не наступили на мою *собаку*...

— Извините... извините... извините, — как заведенный повторял Энди. Искал взглядом такси. Не находил. В любое другое время их было бы полно. Мужчины из зеленого автомобиля приближались с твердым намерением схватить его и Чарли, увезти одному только Богу известно куда, в Контору, к черту на рога, а может, сделать кое-что похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

— Такси! Такси! — закричал он, размахивая свободной рукой. За его спиной мужчины бросили притворяться и побежали.

Такси свернуло к тротуару.

— Стойте! — крикнул один из мужчин. — Полиция! Полиция!

В толпе закричала какая-то женщина, люди кинулись врассыпную.

Энди открыл заднюю дверцу, посадил Чарли на сиденье, сам нырнул следом.

— В Ла-Гуардию, быстро, — сказал он.

— *Не двигаться, полиция!*

Таксист повернул голову на голос, и Энди послал импульс — совсем крошечный. Кинжал боли вонзился ему в лоб, но тут же исчез, оставив только легкую тень, как бывает по утрам, если ночью спишь, неловко вывернув шею.

— Думаю, они хотят задержать того негра в клетчатой кепке, — поделился он своими наблюдениями с таксистом.

— Точно, — согласился тот, и автомобиль плавно отъехал от тротуара. Они покатали по Восточной Семидесятой улице.

Энди оглянулся. Двое мужчин стояли на бордюре. Остальные пешеходы не хотели иметь с ними ничего общего. Один из преследователей снял с ремня рацию и начал что-то говорить. Потом они исчезли из виду.

— Что сделал этот черный? — спросил таксист. — Ограбил винный магазин или еще что натворил?

— Не знаю, — ответил Энди, думая о том, как продолжить, как выжать из таксиста максимум за минимальный импульс. Они записали номерные знаки? Он полагал, что да. Но они не станут обращаться в полицию города или штата, и он застал их врасплох, ушел из-под наблюдения хотя бы на какое-то время.

— Черные в этом городе — банда наркоманов, — добавил таксист. — Можете мне не говорить — это я говорю вам.

Чарли клонило в сон. Энди снял вельветовый пиджак, сложил и подsunул ей под голову. Затеплилась искорка надежды. Все еще могло получиться, если он правильно использует сложившуюся ситуацию. Госпожа Удача послала ему — и он думал об этом без всякой предубежденности — человека, легко поддающегося воздействию. Таксист относился именно к этой группе: белый (азиаты по какой-то причине сопротивлялись лучше всех), достаточно молодой (воздействовать на стариков практически не представлялось возможным) и со средним интеллектом (умные поддавались легче всего; с глупыми приходилось напрягаться; с умственно отсталыми все усилия шли прахом).

— Я передумал, — обратился Энди к таксисту. — Отвезите нас в Олбани.

— Куда? — Таксист уставился на его отражение в зеркале заднего вида. — Приятель, я не езжу в Олбани. Ты рехнулся?

Энди достал бумажник, в котором лежала одна долларовая купюра. Возблагодарил Бога, что это такси без пуленепробиваемой перегородки, исключавшей любой контакт с водителем, если не считать щели для передачи денег. Непосредственное общение облегчало работу. Он так и не уяснил для себя, психологическое это воздействие или какое-то другое, но сейчас это значения не имело.

— Я дам вам пятьсот долларов, если вы отвезете меня с дочерью в Олбани. По рукам?

— Го-о-осподи, мистер...

Энди сунул долларовую купюру в руку таксиста, и когда тот бросил на нее взгляд, послал импульс... сильный. На мгновение испугался, что не сработает, что ничего не осталось, он выскреб последние крохи со дна бочки, когда заставил таксиста увидеть несуществующего черного в клетчатой кепке.

Потом пришло ощущение — как и всегда, сопровождаемое кинжальным ударом боли. Желудок наполнился свинцом, а кишки свело и скрутило. Он поднес трясущуюся руку к лицу, гадая, вырвет ли его сейчас... или он умрет. На одно мгновение ему захотелось умереть, как случалось всегда, если он прилагал чрезмерное усилие («Потребляй, но не злоупотребляй», — всплыл из подсознания лозунг канувшего в Лету диск-жокея, хотя он понятия не имел, о чем шла речь). Если бы в этот момент кто-нибудь сунул пистолет ему в руку...

Потом он глянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, верящую, что он вытащит их из этой передрыги, как вытаскивал из других, Чарли, убежденную, что он будет рядом, когда она проснется. Да, из всех передрыг, только на самом деле это была одна передрыга, одна гребаная передрыга, и всегда они делали одно и то же: убегали. Черное отчаяние давило изнутри на глаза.

Ощущение ушло... но не головная боль. Ей предстояло становиться все сильнее и сильнее, пока она не превратится в кувалду, забивающую раскаленные гвозди в голову и шею при каждом ударе сердца. От яркого света глаза начинали слезиться, а плоть за ними пронзали стрелы агонии. Перекрывались носовые ходы, дышать он мог только ртом. Кровь пульсировала в висках. Легкие шумы усиливались, обычные гремели, как отбойный молоток, громкие становились невыносимыми. Боль все росла, и наконец создавалось впечатление, что голову сжимают в инквизиторском черепном прессе, «шапке любви». На таком уровне она держалась порядка шести часов, или восьми, или десяти. Что будет с ним на этот раз, Энди не знал. Ему еще не приходилось посылать столь сильный импульс в таком истощенном состоянии. Но пока в голове властвовала боль, он становился совершенно беспомощным. Так что Чарли предстояло заботиться о нем. Бог свидетель, ей уже доводилось это делать... и тогда им везло. Однако сколько раз человеку может везти?

— Послушайте, мистер, я не знаю...

Это означало, что таксист подумал о проблемах с законом.

— Наша договоренность сохраняется, если вы ничего не говорите моей девочке, — прервал его Энди. — Последние две недели она провела со мной. Должна вернуться к матери завтра утром.